

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-60-73

М.И. НиколаМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Литературные Старки под Коломной

Аннотация. В статье представлены поэты так называемого черкизовского круга: С.В. Шервинский, А.А. Ахматова, В.А. Меркурьева, А.С. Кочетков и др. Объединяющим их центром становится семья талантливых русских интеллигентов Шервинских: профессора медицины и основоположника отечественной эндокринологии В.Д. Шервинского и его сыновей, известного советского архитектора, мастера садово-паркового искусства Е.В. Шервинского и поэта, переводчика С.В. Шервинского. Их усадьба располагалась на погосте Старки, входившем в округ под названием Черкизово. Автор статьи рассматривает способствующие формированию этого круга авторов жизненные обстоятельства, показывает общность их литературных и культурных интересов, характеризует сложившиеся между поэтами обозначенного круга отношения, в которых имели место проявления как сближения, так и полемики. В статье получают освещение художественные итоги этого взаимного общения, нашедшие отражение в творчестве авторов, которых сблизила на время Коломенская земля. В последний год войны в семье Шервинских найдет поддержку и окажется на Коломенской земле М.Л. Лозинский, завершающий в Старках свою работу над переводом «Божественной комедии» Данте. Автором также отмечена роль поэта Л.В. Горнунга, увлекавшегося фотографией и сохранившего иконографию членов кружка. Материал статьи содержит также сведения о судьбе литературных Старков под Коломной.

Ключевые слова: Коломна, Старки, поэты черкизовского круга, С.В. Шервинский, А.А. Ахматова, А.С. Кочетков, В.А. Меркурьева, М.И. Цветаева

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Никола М.И. Литературные Старки под Коломной // Литература в школе. 2021. № 3. С. 60–73. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-60-73

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-60-73

M.I. NikolaMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Literary Starki near Kolomna

Abstract. The article considers the poets of the so-called cherkizovsky circle: S.V. Shervinsky, A.A. Akhmatova, V.A. Merkurieva, A.S. Kochetkov and others. The Shervinsky family of talented Russian intellectuals became the unifying center of this circle of poets in early XX century: Professor of medicine and the founder of the Russian endocrinology V.D. Shervinsky and his sons, a famous Soviet architect, master of the landscape gardening E.V. Shervinsky and poet, as well as translator, S.V. Shervinsky. The Shervinsky estate was located on the Starki churchyard, which was part of the district called Cherkizovo. The author of the article examines the life circumstances contributing to the formation of this circle of authors, shows the unity of their literary and cultural interests, characterizes the relations that have developed between the poets of this circle, in which there were manifestations of both rapprochement and polemics. The article also covers the artistic results of this mutual communication, which are reflected in the works of the authors who were brought together for a while by the Kolomna land. During the last year of the war, M.L. Lozinsky will find support in the Shervinsky family and find himself on the Kolomna land, completing his work on the translation of Dante's Divine Comedy. The article also notes the role of the poet L.V. Gornung, who was fond of photography and preserved the iconography of the members of the circle. The material of the article also contains information about the fate of the Literary Starki near Kolomna.

Key words: Kolomna, Starki, poets of the cherkizovsky circle, S.V. Shervinsky, A.A. Akhmatova, A.S. Kochetkov, V.A. Merkurieva, M.I. Tsvetaeva

CITATION: Nikola M.I. Literary Starki near Kolomna. *Literature at School*. 2021. No. 3. Pp. 60–73. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-60-73

Погост Старки под Коломной в настоящее время является частью подмосковного села Черкизово. Краеведы и специалисты обычно называют это место литературными Старками, поскольку здесь в разное время побывали такие прославленные поэты, как В. Брюсов, А. Ахматова, Б. Пастернак, М. Цветаева, М. Лозинский и др. Какие обстоятельства

привели к тому, что это место стало притягательным для деятелей русской культуры? Живописный берег Москва-реки, старинная Никольская церковь, по преданию перестроенная самим В. Баженовым и, конечно, обосновавшаяся здесь семья талантливых русских интеллигентов Шервинских. Усадьба в этом живописном месте была приобретена еще до революции,

Рис. 1. Семья Шервинских на террасе усадьбы в Старках. 1910-е гг. [2]

в 1892 г., профессором медицины Василием Дмитриевичем Шервинским. Здесь семья В.Д. Шервинского многие годы проводила летние месяцы (рис. 1). За плодотворную деятельность в области здравоохранения советское правительство позволило талантливому профессору, основоположнику отечественной эндокринологии, сохранить свою усадьбу, как указывалось в охранной грамоте, «навечно» [2, с. 119].

Сыновья же Василия Дмитриевича выбрали для себя другую сферу: искусство. Старший, Евгений Васильевич, связал себя с архитектурой и парковым делом. Он станет известным советским архитектором, выдающимся мастером садово-паркового искусства, членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР [Там же, с. 171]. Е.В. Шервинский

обновил парк вокруг усадьбы, выстроив здание школы для детей. Его младший брат, Сергей Васильевич, связал себя с литературой и изобразительным искусством, одно время служил в Музее изобразительных искусств, позднее занимался литературным творчеством и художественным переводом. Свой первый сборник стихов «Лирика. Стихи об Италии» С. Шервинский опубликовал в 1924 г. Кроме того, широкую известность он приобрел как переводчик античных поэтов – Софокла, Овидия, Вергилия, Катулла и др. С. Шервинский пробовал себя также в прозе, выступив автором романа «Ост-Индия» (1933), а также целого ряда путевых и мемуарных очерков. Одна из первых мемуарных книг С. Шервинского, «От знакомства к родству», вышла в 1986 г., и не случайно в Армении, так как

Шервинский занимался и переводами из армянских поэтов. Ряд его переводов вошел в известную антологию армянской поэзии, в свое время подготовленную В. Брюсовым, которого С. Шервинский считал своим учителем. В процессе общей работы над упомянутой антологией Шервинский сблизился с Брюсовым, что и привело к тому, что летом 1916 г. В. Брюсов со своей супругой Жанной Матвеевной приезжал погостить в Старки. Широкому знакомству с кругом поэтов способствовало также сближение С. Шервинского со Львом Горнунгом, поэтом, переводчиком, который, к тому же, увлекался художественной фотографией. Он-то и запечатлел потом отдельные моменты пребывания именитых гостей в Старках, пополнив иконографию А. Ахматовой

(рис. 2). Л. Горнунгу приглянулись Старки, соседняя древняя Коломна, куда он часто наезжает. Среди тех, кого Горнунг приобщил к Старкам, относятся также поэты Вера Меркурьева и Александр Кочетков.

В. Меркурьеву можно назвать своеобразным открытием сравнительно недавнего времени. В 2007 г. в издательстве «Водолей Publishers» вышел, наконец, сборник ее стихотворений «Тщета», подготовленный В. Резвым, включившим в издание две статьи М.Л. Гаспарова «Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь» и «Вера Меркурьева: техника стилизации», ярко характеризующие поэтическую индивидуальность поэтессы [3; 4]. Меркурьеву друзья называли «душой Старков»: обаятельная, отзывчивая, интересная собеседница, с замечательным

Рис. 2. А.А. Ахматова у Шервинских. Фотография Л. Горнунга, 1936 [2]

чувством юмора. В свое время как поэт она была открыта Вячеславом Ивановым. В характеристике, которую В. Иванов давал в 1918 г. Меркурьевой в издательство «Зерна», он представлял ее как дарование необыкновенное, самобытное, имеющее «силу чрезвычайную» [Цит. по: 3, с. 513].

Четвертым представителем поэтов так называемого «черкизовского круга» [7, с. 4] стал Александр Кочетков, до сих пор известный, главным образом, по романсу «С любимыми не расставайтесь!» («Баллада о прокуренном вагоне», прозвучавшая в известном фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!»). Другие стихи поэта публиковались редко и были оценены с явным запозданием. Первый сборник вышел в издательстве «Советский писатель» в 1985 г. и был подготовлен Львом Озеровым, который писал в предисловии: «До сих пор мы в большом долгу перед памятью Александра Кочеткова... За сочинениями Кочеткова возникает их творец, человек большой доброты и честности. Он обладал даром сострадания к чужой беде... Он был художник во всем. Деньги у него не водились, а если и появлялись, то немедленно перекачивали под подушку больных и в пустые кошельки нуждающихся...» [6, с. 6].

А. Кочетков, кроме того, талантливый переводчик (Шиллер, Корнель, Расин и др.), а также драматург. В соавторстве с К. Липскеровым и С. Шервинским он создал стихотворные драмы «Надежда Дурова» и «Вольные фламандцы», а также пьесу о Николае Копернике.

Меркурьеву и Кочеткова многие годы связывали близкие отношения. По возрасту он ей годился в сыновья, Меркурьеву считал своим учителем в поэзии, другом и духовным

наставником. Меркурьевой он пишет в 1931 г.: «Вы единственный человек, с которым у меня истинная душевная близость... Вас я готов слушаться всегда и во всем... И пока вы существуете, мне все-таки легче бороться с судьбой. Целую Вашу руку» [3, с. 523]. И позже, когда Кочетков был уже женат, Меркурьева, к счастью, была душевно близка и с его женой, Инной Григорьевной, в девичестве Прозрителевой, дочерью известного ученого-краеведа и основателя Ставропольского краеведческого музея. Все трое, иногда к ним присоединялась еще подруга Меркурьевой, Евгения Рабинович, связаны взаимным расположением, поддержкой, творческим общением и соседским проживанием в Старках, где Кочетковы и Меркурьева обыкновенно снимали комнаты в доме уроженки здешних мест Варвары Трофимовны Корнеевой. Дом располагался неподалеку от храма святителя Николая, по соседству с флигелем, где проживали Шервинские.

Семья Шервинских, в свою очередь, дорожила этой близостью. В стихотворении «Сосед» С. Шервинский так приветствует приезд Меркурьевой в 1935 г. в Старки:

Позвольте Вас приветствовать с приездом
В приют желанный. В лоно тишины!
Тут будет утром колокол гудеть.
Хотя и робким звоном. Тут кукушка
Наполнит целый лес и молвит
Вам больше, чем про первую любовь,
Безгнездную тоску иль вечер лета...
Довольно сесть перед окном, где ало
Кустится пеларгониум, вздохнуть
С лугов заречных долетевший ветер
Иль, замечтавшись за трудом своим,
Напутствовать вечернюю звезду,
Чтоб примириться с бытием, с которым
Вы, кажется, и так не в ссоре. Право,
Лишь сумасшедший может жить вдали
От тихой благостыни деревенской!..

[8, с. 49]

Летом 1936 г. по приглашению С. Шервинского в эти «тихие», живописные и уединенные Старки приезжает Ахматова. Для Анны Ахматовой это трудный жизненный период: только что она пережила первый арест мужа и сына, чувствует нездоровье. И за ее лечение примется сам хозяин дома Василий Дмитриевич Шервинский. Профессор медицины с богатым врачебным опытом, он правильно свяжет недомогания Анны Андреевны с заболеванием щитовидной железы, и назначенное лечение принесет облегчение. Анна Андреевна будет чувствовать себя уютно в этом доме, где царила доброжелательная атмосфера и вместе с тем ей никто не докучал. Шервинский в одном из стихотворений писал, обращаясь к Ахматовой:

Мне радостно, что в годы личных бед
И страхов общих мог я вам доставить
Недели тишины в моих Старках,
Отторгнутых потом по воле века...

[8, с. 265]

В последних строчках содержится указание на событие 1960-х гг., когда вопреки первоначальной грамоте «вечного» владения, дом у Шервинских был отнят. Есть и ответное поэтическое признание Ахматовой об уютности своего пребывания в Старках. Стихотворение ее так и называется «Под Коломной» и посвящено Шервинским:

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах, –
И течет московская река, –
Все бревенчато, дощато, гнута...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,

И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

[1, с. 214–215]

Примечательно, что такими вспоминает Ахматова Старки годы спустя в эвакуации в 1943 г. Заслуживает особого упоминания то обстоятельство, что в период своего первого пребывания в Старках Ахматова проявила интерес и к древней Коломне. Вместе с С. Шервинским и Л. Горнунгом в Коломне был проведен целый день, 16 июля 1936 г. Заметим, что притяжение к Коломне у Ахматовой возникло еще до приезда в Старки вследствие рассказов С. Шервинского о том, какую роль сыграл город как вотчина Дмитрия Донского, где князь собирал рать, которую поведет на поле Куликово. Наслышана она была о богатой архитектуре города и Соборной площади. Впечатление это впоследствии у Ахматовой подтвердится, и она даже сравнит его с пережитым на площади Чудес в Пизе. Коломна, наконец, интересна ей и вследствие близкой дружбы с Борисом Пильняком. Писатель провел здесь детские годы, начинал в Коломне свой творческий путь, писал о Коломне («Колымен-град», «Голый год» и др.) и даже имел обыкновение подписывать свои произведения («Голый год» и др.) «У Николы-на-Посадях», указывая тем самым на известный коломенский храм, находящийся рядом с его домом. Как раз за несколько лет до приезда в Коломну Ахматова на автомобиле, привезенном Пильняком из Америки, совершила в обществе писателя знаменательное путешествие «по маршруту Радищева» из Петербурга в Москву. Знакома она была и с произведениями Пильняка, горячо сочувствовала автору в связи

с нападками, последующими после выхода его «Повести непогашенной луны». Поэтому неслучайно, когда С. Шервинский и Л. Горнунг показывали Ахматовой Кремль, ее особое внимание привлекла так называемая Маринкина башня, где по преданию была заточена жена Самозванца Марина Мнишек. Народные поверья, связанные с башней, Пильняк передал в своем романе «Волга впадает в Каспийское море».

Попасть в башню оказалось непросто, но спутники Ахматовой добились разрешения, несмотря на опасность предприятия. Хорошо, что «отделалась» Ахматова только каблуком, о чем позднее вспоминал Шервинский в своем мемуарном очерке «Ахматова в ракурсе быта», включенном в книгу С. Шервинского «От знакомства к родству». Ахматова с Шервинским и Горнунгом все же поднялись на вершину башни. Таким образом, совсем не случайно образ Маринкиной башни получил «пропуск» в поэзии Ахматовой, в частности, в стихотворении «Поздний ответ», посвященном Марине Цветаевой. Безусловно, не одно только сходство имен, стихи Цветаевой к Марине Мнишек, «пильняковская интерпретация» образа, но и непосредственно пережитые впечатления лежат в основе этого образа в «Позднем ответе». Создавая свой «Поздний ответ» на цветиевские посвящения ей, Ахматова еще не ведала, что скоро и Цветаева окажется так близко от Коломны. Но для нее она уже опальная, заточенная «кричит из Маринкиной башни»:

Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина...

[1, с. 245–246]

Когда накануне войны произойдет единственная, так называемая «двухдневная» встреча Ахматовой и Цветаевой и они будут читать друг другу свои стихи, Ахматова потом признается Л. Чуковской, что не прочитала Цветаевой «Поздний ответ» из-за строки «Поглотила любимых пучина». Ахматова понимала, какую боль может причинить Цветаевой, сохраняющей надежду на благополучный исход судьбы арестованных близких.

Во время прогулки по Коломне Ахматова также настойчиво искала дом Пильняка. Точно установить дом писателя она и ее спутники не смогли из-за заросшего палисадника, а также здания, заслонявшего маленький домик Пильняка. Хотя находились они совсем рядом от Посадской улицы, и на скамейке у бревенчатого дома на фоне шатровой колокольни Горнунг сделал еще один снимок Ахматовой. В современной Коломне это место, и не только оно, отмечено памятными знаками. Коломенцы трогательно хранят память об ахматовском дне в Коломне: строчки из Ахматовой, вдохновленные пребыванием в Коломне, стихи, посвященные ей, любовно выкованный кузнецами цветок шиповника, ключевой для Ахматовой не меньше, чем рябина для Цветаевой, – все это можно увидеть на памятных досках в Коломне. Но главное, что эти доски «живут»: привлекают внимание туристов, ценители поэта читают возле них полюбившиеся стихи.

Образ Коломны и Старков, где она еще не раз бывала потом в 1950-е гг., оставил в поэзии Ахматовой заметный след, особенно в циклах «Шиповник цветет» и «Венок мертвым». Приведу лишь еще одно небольшое стихотворение Ахматовой, примечательное

отражением мироощущения поэта, которому пребывание в этом древнем городе и его окрестностях придавало жизненных сил:

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, –
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

[1, с. 223]

Как видим, передохнув, набравшись сил и новых впечатлений, Ахматова, тем не менее, не освободилась от тягостных предчувствий для себя и не только для себя. Дальнейшее развитие событий принимало все более трагический характер. В числе многих был в 1937 г. арестован и Пильняк, о судьбе которого не было никаких известий. В 1938 г. Ахматова посвящает поэту пронзительное, по своей поэтической силе, стихотворение:

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеешься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...

[Там же, с. 244]

Горькие предчувствия не обманули Ахматову. Ко времени написания стихотворения Пильняк уже был расстрелян. Позднее посвященное ему стихотворение под названием «Памяти Бориса Пильняка» Ахматова включила, как и «Поздний ответ», в цикл «Венок мертвым».

С Сергеем Шервинским у Ахматовой сложилось наиболее близкое

духовное родство. Оно упрочилось в последующие приезды Ахматовой в Старки. Было много совместных прогулок и бесед. У Шервинского и Ахматовой обнаружилось много общих интересов, помимо поэтического творчества. Так, Шервинский очень ценил осведомленность Ахматовой в вопросах искусства. Для него история искусства была при выпуске из университета второй специальностью. Шервинский, как уже упоминалось, несколько лет работал в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Кстати, как раз тогда, когда там служил второй муж Ахматовой, В.К. Шилейко, известный востоковед, о котором Шервинский вспоминал с неизменным уважением и сочувствием (В.К. Шилейко умер рано, на 40-м году, от чахотки). Шервинский был удивлен интересу Ахматовой к архитектуре, который сам он охотно разделял. В поэзии Шервинского это увлечение вылилось в обилие экфрасисов, воссоздающих архитектурные и скульптурные образы. В заметной мере они отражали память об Италии, которую Ахматова, также бывавшая там, в беседах охотно разделяла.

Что касается поэзии Шервинского, то Ахматова относилась к ней сдержанно. Шервинский писал: «Не то чтобы она находила их просто плохими, но в них, при всем совершенстве внешнем, она не ощущала подлинно поэтического пульса» [2, с. 256]. Суждения Ахматовой имели значение для Шервинского. У него, однако, «этот пульс» проявится позднее, в поэзии 1960-х гг. Шервинский, сам ощущая перемену в своей поэтической манере, будет читать Ахматовой стихи этого периода из цикла «Барокко» и дождется,

наконец, «позднего одобрения», дополненного таким замечанием Ахматовой: «До этого надо было дожить» [2, с. 256]. Приведу фрагмент стихотворения Шервинского «Лилия» из сборника «Барокко», в котором очевидно явное оскудение архитектурной образности (только один образ – «волюта»), зато несомненно наличие «поэтического пульса»:

Доцветаю. Мои лепестки
Подогнулись, завернуты круто.
Габаритам своим вопреки
Белоснежная пухнет волюта.

В эту ночь сквозь лилейную плоть
Проступили прожилки распада,
И, не в силах его побороть,
Скоро стану посмешищем сада...

[8, с. 62]

Отношение самого С. Шервинского к стихам Ахматовой было восторженным: «Я бывал искренне восхищен строками, какие она щедро предлагала моему вниманию» [2, с. 255]. Поэт гордился тем, что Ахматова наградила его званием «лучшего слушателя» [Там же, с. 256]. В то же время он вспоминал и об одном «несовпадении» за все время их долгого общения в Старках. Ахматова прочитала ему ранний вариант своей «Поэмы без героя», и Шервинский позднее признавался, что поэма до него сразу «не дошла». Он ответил Ахматовой, что это «не совсем опозтизированное, еще находящееся в состоянии кипения, жизненное, а не поэтически претворенное чувство» [Там же, с. 255]. Ахматова восприняла эту оценку не без горечи, но это суждение не прошло мимо ее чуткого ума, о чем свидетельствовало продолжение работы над поэмой.

А вот что касается практики перевода, то здесь опыт Шервинского

был богаче, чем у Ахматовой, и Шервинский признавался, что ему приходилось не раз делать Ахматовой замечания, давать советы и высказывать предложения: «В этой области Анна Андреевна доверяла мне всецело и даже дала разрешение вносить в ее переводы поправки по моему усмотрению. Этим доверительным правом я никогда не пользовался, но поправок требовал» [Там же, с. 256]. Так что общение двух поэтов было связано с взаимным творческим обогащением, и суждения Шервинского и его советы были важны для Ахматовой до самого конца жизни.

Показательно событие 1965 г., юбилейные торжества, посвященные 700-летию Данте. Этому поэту в высшей степени чтити и Шервинский, и Ахматова. Когда же Ахматовой было предложено выступить на юбилейном торжестве Данте, которое должно было проходить в Большом театре, Анна Андреевна предложение приняла и вскоре позвонила Шервинскому, попросив о срочной встрече, на которой читала ему рукописный текст подготовленного выступления, спрашивая у Шервинского о впечатлении и возможном совете: «Я с готовностью взялся пособить Анне Андреевне, чем могу. Выслушав, я предложил сделать только одно, но существенное изменение – переставить две части местами. Она легко была убеждена моей логикой, и предложение было принято» [Там же, с. 258].

Что же касается Данте, то для Шервинского – это тоже поэт, сопровождавший его с самого начала творческого пути. Когда в издательстве «Всемирная литература», возглавляемом Горьким, возникла идея создания русского перевода «Божественной

комедии», то первоначально проект состоял в том, чтобы его осуществили три поэта. В частности, перевод «Ада» издательство предложило осуществить М. Лозинскому, «Чистилица» – С. Шервинскому, а «Рая» – С. Соловьеву. Но Шервинский отверг подобную идею, полагая, что труд разных поэтов нанесет ущерб единству поэмы Данте. Соловьев с его мнением согласился. В итоге «Лозинскому пришлось, к счастью для дела, оказаться в одиночестве перед лицом почти непосильного предприятия», – писал Шервинский в своих воспоминаниях о М. Лозинском [2, с. 226]. Но Шервинский, тем не менее, с вниманием следил за ходом работы, горячо сочувствовал Лозинскому, узнав о его тяжелом заболевании, которое тот переносил с большим мужеством и терпением.

Особенно тесно сблизились Шервинский и Лозинский в последний год войны. Когда Шервинский узнал, что Лозинский вместе со своей супругой Татьяной Борисовной прибывает в Москву из эвакуации совершенно больной, он сразу предложил супругам по пути в Ленинград остановиться у него в Москве, в Померанцевом переулке, пока Михаилу Леонидовичу не станет легче. Семья Лозинских рассчитывала, приняв приглашение, что они пробудут в Москве дней десять, одиннадцать, но остались на одиннадцать месяцев. Семья Шервинских окружила их вниманием и заботой, а на лето обе семьи переехали в Старки. Период пребывания Лозинского в Старках был связан с его интенсивной работой над комментариями к своему переводу «Божественной комедии». Наблюдая этот этап работы переводчика, Шервинский удивлялся его трудолюбию, взы-

скательности к себе. Но больше всего в период совместного проживания в Старках Шервинского впечатляла в Лозинском «чудесная способность освещать окружающих блеском своей, постоянно преодолевающей болезнь веселости. Его остроумие было неистощимо» [Там же, с. 228]. Вечерние чаепития в Старках, с их беседами, чтением классики, дополнились изобретательными играми, которые, к особой радости детей, придумывал Лозинский. Когда в усадьбе ошенилась овчарка Долли и принесла целых одиннадцать щенят, то дети начали каждому из одиннадцати подбирать имена, в конце концов, их фантазия истощилась, и дети стали требовать предложение имени у Лозинского. Тот не растерялся и назвал щенка Дантик, что всеми было охотно принято. Так что в самой «разнообразной форме» образ Данте витал в Старках после пребывания в нем Лозинского.

Дружеские отношения между Лозинским и Шервинским не мешали, однако, последнему вести с коллегой полемику по поводу осуществленного перевода «Божественной комедии»: «Я позволил себе сказать, что единственное, в чем, пожалуй, можно было бы упрекнуть автора перевода, это некоторая завышенность общего тона сравнительно с подлинником» [Там же, с. 229]. При этом именно Шервинский во главе небольшой группы творческой интеллигенции выступил инициатором присуждения Лозинскому государственной премии за осуществленный перевод. Показательно смягченное с годами мнение Шервинского о качестве перевода Лозинского. Спустя годы он пишет: «Для меня ясно, особенно теперь, по прошествии времени, насколько эта завышенность должна быть

отнесена на долю весьма сложной задачи передать по-русски средневековые терцины и, вообще, необходимости подчинить итальянский язык русскому. От этой необходимости зависит применение по-русски целого ряда архаических форм, от чего и возникает, неизбежно, эта повышенность тона» [2, с. 229].

Многие образы в поэзии Шервинского, Ахматовой, Меркурьевой и др. навеяны духовной атмосферой, царившей в Старках. Так, без пребывания в Старках вряд ли могли «прорасти» в поэзии Ахматовой образы Коломны, Дмитрия Донского и его рати, Маринкиной башни, цветущего шиповника, «Чаконы» Баха и др. В качестве примера коснусь последнего из названных образов. «Чакону» Баха Ахматова услышала впервые в исполнении молодого альтиста Федора Дружинина, тогда в семье Шервинских просто Феде, супруга младшей дочери Шервинского – Екатерины. Впоследствии исполнительский и композиторский талант Ф.С. Дружинина был высоко оценен, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что ему была посвящена Д. Шостаковичем последняя соната для альты и фортепиано ор. 47. Но тогда, летом 1956 г., он – еще молодой музыкант, каждый день в предобеденные часы музицирует, разучивает новые произведения и однажды замечает, что Ахматова в эти часы все откладывает и, стараясь оставаться незамеченной, слушает его исполнение, интересуется его программой: «Как-то, за одной из трапез, Анна Андреевна спросила меня, над чем я сейчас работаю. Я сказал, что учу знаменитую чакону Баха для скрипки соло. Оказалось, что Анна Андреевна никогда не слышала этой музыки и ничего не знает

о ней. Я считал, что играть чакону мне еще рано, но отказать царственной гостье в ее просьбе сыграть ей чакону я не мог» [Там же, с. 282]. Из воспоминаний Ф.С. Дружинина мы знаем, что красота чакон, ее монументальность и архитектоника формы произвели на Ахматову «впечатление, близкое к потрясению» [Там же, с. 261]. Они также обсуждали французское слово *chaconne*, форму этого произведения, партиты Баха и, в частности, партиту ре-минор, последнюю часть которой венчает чакона. Через два года Ахматова присутствует уже на сольном концерте Дружинина и просит сыграть на «бис» чакону Баха. Вскоре чакона оставляет след в ее «Поэме без героя» и стихотворении «Сон».

Нельзя не упомянуть, что, кроме фотографий, сделанных Л. Горнунгом в Старках и Коломне, иконографию Ахматовой обогатили два живописных портрета, выполненных талантливой художницей Анной Шервинской, старшей дочерью С. Шервинского. В настоящее время оба портрета выставлены в постоянной экспозиции Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Оставила Ахматова свой след и в судьбе младшей дочери С. Шервинского, Екатерины, которую в период пребывания в Старках обучала французскому языку. Анна Шервинская стала филологом, лингвистом и впоследствии защитила диссертацию по французской стилистике.

М.И. Цветаева приехала в Старки по приглашению В.А. Меркурьевой, которую знала еще в 1920-е гг., но не близко. Они познакомились через В. Иванова и И. Эренбурга. Когда Цветаева в 1939 г. вернулась из эмиграции, Вера Меркурьева первой написала ей, приглашала на лето

в Старки. Цветаева медлила. Тем не менее, она откликнулась письмом к Меркурьевой от 20 февраля 1940 г.: «Я Вас помню – это было в 1918 г., весной, мы с вами ранним рассветом возвращались из поздних гостей. И стихи Ваши помню – не строками, а интонацией, – мне кажется, вроде заклинаний?» [3, с. 535]. Всего было три письма Цветаевой к Меркурьевой. В них все сильнее звучала мысль Цветаевой о ее бездомности и одиночестве. Не исключено, что имя и образ Меркурьевой возникали во время памятной встречи Цветаевой и Ахматовой. Ахматова в этом случае, как можем предположить, могла настроить собеседницу на доверие к «приглашающей стороне», к «доброй и мудрой» Вере Александровне Меркурьевой. Именно такой восприняла Анна Андреевна Меркурьеву в период общения в Старках и такими эпитетами наградила Меркурьеву в своей посвянительной надписи на одном из фото, сделанном в Коломне. Между тем письма Цветаевой обретали все более отчаянную интонацию. Так, в письме от 31 августа 1940 г. она пишет Меркурьевой: «Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь... Москва меня не вмещает. Мне некого винить. И себя не виню, потому что это была моя судьба. Только – чем кончится?? ... меня – все меньше и меньше...» [Там же]. Именно на это письмо Меркурьева с Кочетковым отвечают решительным приглашением Цветаевой с сыном приехать на лето в Старки.

Перспектива пожить среди подмосковной природы, рядом не просто с поэтами, но и любезными, доброжелательными людьми, так искренне зовущими и предлагающими помощь, наконец, увлекла Цветаеву. В середи-

не июня они окончательно договариваются о приезде, а 22-го начинается война. Тем не менее, Цветаева с сыном в июле приезжают в Старки. Однако ожидания обеих сторон не оправдались. Позже, через год, 23 февраля 1942 г., Меркурьева пишет К. Архиповой: «Она прожила у нас в Старках перед отъездом 2 недели и была такая – сама не своя, что чувствовалось что-то недоброе» [Там же, с. 536]. Меркурьева нашла Цветаеву «неузнаваемо постаревшей», склонной к замкнутости, подавленной обстоятельствами и настроением сына. Мур был отнюдь не в восторге от уединенного места, принужденный проводить время в обществе пожилых людей, лишенный общества сверстников, свежих впечатлений. Не сложились и отношения Цветаевой с Шервинскими. Она не шла на общение, по словам С. Шервинского, выглядела безразличной, как тень, когда проходила мимо к колодцу в черном платке (скорее всего это был черный берет, который носила тогда Цветаева).

На состояние Цветаевой и решение незамедлительно покинуть Старки повлияла первая большая бомбежка Москвы в ночь с 21 на 22 июля. На расстоянии многих километров было видно зарево: от осветительных немецких ракет, горящих зданий. 24 июля Цветаева принимает решение собираться в эвакуацию. Ей не верится, что Старки могут быть безопасными. Она возвращается в Москву, хлопочет об эвакуации и вскоре уезжает в Чистополь и Елабугу.

Нужно заметить, что немцы не дошли до Коломны и Старков, а бомбежки города были избирательными. В основном немецкие самолеты пытались разрушить мосты через

Оку, но стоящие вокруг них зенитки так и не позволили осуществиться этим планам. Город же, в известной мере, был защищен тем обстоятельством, что на его территории находились до революции заводы братьев Струве, которые были сохранены и даже развиты в советское время: выпускали паровые двигатели, паровозы, промышленные станки и др. Струве пользовались определенным влиянием в Германии и заручились обещанием фашистских властей сохранить заводы.

Эвакуация вскоре еще раз свела некоторых обитателей Старков. В Ташкент попали Меркурьева и чета Кочетковых. Очень тяжелым было их положение: обнищание, голод. Особенно сложно было уже немолодой, больной, страдающей от астмы Вере Александровне Меркурьевой. Однако трудности переживались легче, когда они встречались с Ахматовой: «Приходит иногда к нам, внося с собою, нет – собою “ветр с цветущих берегов”, читала стихи новые, до меня долетавшие отдельными чудесными звуками» [3, с. 540]. Так писала в марте 1942 г. Меркурьева, уже тяжело больная, соседке по Старкам Е. Шервинской. 20 февраля 1943 г. Меркурьева умерла от воспаления легких в возрасте 67 лет. Похоронили ее на кладбище, где покоилась поэтесса Черубина де Габриак, знавшая и любившая стихи Меркурьевой. В Ташкенте же бывшие обитатели Старков встретились с Муром. Ахматова, как могла, заботилась об осиротевшем сыне Цветаевой.

Суровое время не пощадило ни поэтов, о которых шла речь, ни даже их могил. Неизвестны с определенностью могилы ни Меркурьевой, ни Цветаевой, ни Черубины

де Габриак... Где-то в полях под Бобруйском затеряна безвестная могила Мура. Однако время оказалось бесстрастно перед словом. Поэзия Цветаевой и Ахматовой обрела всемирную славу. Опубликовано литературное наследие С. Шервинского. Прояснился талант и духовная красота Меркурьевой и Кочеткова. Дневники и письма Мура с ясностью обнаружили незаурядность его мысли и слова. Рассказ о Старках – очередное напоминание об одной из жизненных вех Цветаевой, предшествующих Елабуге, еще одной попытке измученной Цветаевой найти приют и опору, но, к сожалению, попытке тщетной.

Память о семье Шервинских, их жизни и культурной деятельности, их знаменитых гостей и других обитателях литературных Старков бережно хранится в селе Черкизово, куда в настоящее время входит бывший погост Старки. Село находится в 10 км от Коломны на правом берегу реки Москвы. В нем восстановлен и действует Никольский храм, вокруг которого любила гулять Анна Ахматова. К сожалению, не сохранился дом Шервинских. Но в школе, построенной Е.В. Шервинским, которая в настоящее время входит в состав Черкизовского «Центра культуры и досуга» и именуется структурным подразделением «Школа им. В.Д. Шервинского», располагается музейная экспозиция «Из жизни семьи Шервинских». Сюда устремляются многочисленные почитатели представителей литературы и культуры, о которых шла речь в статье. Экскурсоводы проведут по залам экспозиции, помогут пройти по «Ахматовской тропе». Профессор Коломенского государственного педагогического института (ныне – Государственного социально-гуманитарного

университета) К.Г. Петросов, который первым начал изучать тему литературных Старков, подчеркивал, что изучение творческих связей поэтов черкизовского круга имеет не только историко-литературное, но и этическое значение: «Что же все-таки внутренне роднит этих людей и с особой силой привлекает в их облике? Дело

не только в широте их культурных интересов, в неизменном внимании к живописи, музыке, архитектуре, языкам, ко всему, что так притягивает нас сегодня и чего нам недостает. Важнее, пожалуй, другое: тех, кто жил в Старках, и тех, кто приезжал к ним в гости, роднили общие этические принципы» [7, с. 50].

Библиографический список

1. Ахматова А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. М., 1987.
2. Бессмертие. Из истории семьи Шервинских / автор-сост. Е.С. Дружинина (Шервинская). М., 2013.
3. Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь // Меркурьева В. Тщета: Собрание стихотворений. М., 2007. С. 499–541.
4. Гаспаров М.Л. Вера Меркурьева: техника стилизации // Меркурьева В. Тщета: Собрание стихотворений. М., 2007. С. 542–550.
5. Кузовкин А.И., Швакин С.П. Черкизово. Даты, события, судьбы. Коломна, 2004.
6. Озеров Л. Об Александре Кочеткове // Кочетков А.С. С любимыми не расставайтесь: Стихотворения и поэмы. М., 1985. С. 3–7.
7. Петросов К.Г. Литературные Старки: (Поэты «черкизовского круга» и А. Ахматова). М., 1991.
8. Шервинский С. Стихотворения. Томск. 1997.

References

1. Akhmatova A. Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1987.
2. Bessmertie. Iz istorii semi Shervinskikh [Immortality. From the history of the Shervinsky family]. Author-compiler E.S. Druzhinina (Shervinskaya). Moscow, 2013. (In Russ.)
3. Gasparov M.L. Vera Merkureva (1876–1943). Poetry and life. *Merkureva V. Tshheta: Sbranie stikhotvoreniy*. Moscow, 2007. Pp. 499–541. (In Russ.)
4. Gasparov M.L. Vera Merkureva: stylization technique. *Merkureva V. Tshheta: Sbranie stikhotvoreniy*. Moscow, 2007. Pp. 542–550. (In Russ.)
5. Kuzovkin A.I., Shvakin S.P. Cherkizovo. Daty, sobytija, sudby [Cherkizovo. Dates, events, destinies]. Kolomna, 2004. (In Russ.)
6. Ozerov L. About Alexander Kochetkov. *Kochetkov A.S. S ljubimymi ne rasstavajtes: Stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, 1985. Pp. 3–7. (In Russ.)
7. Petrosov K.G. Literaturnye Starki: (Poety «cherkizovskogo kruga» i A. Ahmatova) [Literary Starky: (Poets of the “Cherkizovsky circle” and A. Akhmatova)]. Moscow, 1991. (In Russ.)
8. Shervinskiy S. Stikhotvoreniya [Poems]. Tomsk, 1997.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021, принята к публикации 15.04.2021

The article was received on 20.02.2021, accepted for publication 15.04.2021

Сведения об авторе / About the author

Никола Марина Ивановна – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Marina I. Nikola – ScD in Philology, Full Professor; Head of the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: nikola7352@mail.ru